

## Законодательство РК и международные нормы об ответственности за разжигание социальной розни»

Доклад Евгения Жовтиса,  
председателя Совета Казахстанского международного  
бюро по правам человека и соблюдению законности

Уважаемые участники круглого стола,

Сразу хочу уточнить, что я буду говорить о разжигании социальной розни, вражды или ненависти в их уголовно-правовом значении.

Считаю это принципиально важным, поскольку сейчас в нашей правоприменительной практике характеристику этим понятиям дают и филологи, и психологи, и политологи, и лингвисты.

А они – не юристы и не могут отвечать на правовой вопрос: содержится ли в том или ином высказывании или действиях разжигание социальной розни или вражды, влекущее административную или уголовную ответственность. Потому что ответ на этот вопрос лежит в уголовно-правовой или административно-правовой сфере, а не в области филологии, лингвистики или политологии.

Именно поэтому, кстати, эти эксперты предпочитают устанавливать в тех или иных текстах и высказываниях именно «разжигание социальной розни», а не «разжигание вражды», потому что даже неспециалисту понятно, что рознь это рознь, а вот вражда – это более серьезно... А тем более – ненависть.

В этой связи сошлюсь на законодательство страны со схожим законодательством, схожей правовой культурой и схожими подходами в борьбе с экстремизмом и инакомыслием – Российской Федерации.

Там, например, что для меня явилось откровением, совершенно обоснованно и в соответствии с международным правом и практикой в пункте 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №11 от 28 июня 2011 г. прямо указано: «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда».

**В частности, цитирую, «перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды».**

Еще раз подчеркну, перед экспертами не могут ставиться вопросы: направлены ли информационные материалы или высказывания на возбуждение ненависти или вражды. Потому что это правовые вопросы, вопросы, связанные с составом преступления, с наличием признаков преступления. А это определяют юристы, судьи, а не филологи или политологи.

Если говорить о международном праве, в принципе мы ведем речь о двух соприкасающихся преступлениях: «языке ненависти» и «преступлении ненависти» или «преступлении, мотивом которого является предубеждение».

Наше уголовное законодательство, не содержит такого деления.

Прочитую ту статью Уголовного кодекса РК, о которой идет речь.

Статья 164 УК РК состоит из трех частей.

В части 1 устанавливается уголовная ответственность за «умышленные действия, направленные на возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни, на оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств

граждан, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, сословной, национальной, родовой или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации, а равно путем распространения литературы и иных носителей информации, пропагандирующих социальную, национальную, расовую, религиозную вражду или рознь».

В части 2 - за «те же действия, совершенные группой лиц или неоднократно, или соединенные с насилием либо угрозой его применения, а равно лицом с использованием своего служебного положения либо руководителем общественного объединения», в части 3 – за те же действия, повлекшие тяжкие последствия.

По существу можно сказать, что в части 1 речь идет об уголовной ответственности за «язык ненависти», а в частях 2 и 3 - и о «языке ненависти», и о «преступлении ненависти», когда квалифицирующим признаком преступления являются насилие и тяжкие последствия.

Поэтому, когда мы говорим об ответственности за разжигание социальной розни в уголовном законодательстве Казахстана, мы должны говорить и о «языке ненависти», и о «преступлении ненависти», в соответствии с их определениями в международном праве.

Поэтому я, пытаясь уложиться в регламент, очень кратко охарактеризую оба этих понятия.

Начну с «преступлений ненависти».

Согласно принятому в международном праве определению, преступления на почве ненависти называют преступления, вызванные нетерпимостью к тем или иным группам людей.

Преступление на почве ненависти – уголовное деяние, мотивированное предубеждением. Именно данный мотив отличает преступления на почве ненависти от других видов преступлений.

Поэтому при доказывании состава преступления «разжигание социальной розни» как преступления ненависти необходимо доказывать мотив.

То есть, преступления на почве ненависти неизменно включают два компонента: **уголовное преступление, совершенное по мотиву предубеждения.**

Первый компонент преступления на почве ненависти означает, что совершено действие, которое составляет преступление в соответствии с положениями обычного уголовного права (то есть, вне зависимости от мотива). Его называют основным преступлением, связанным с насилием.

Для признания факта совершения преступления на почве ненависти всегда требуется, чтобы имело место основное преступление. В случае отсутствия основного преступления отсутствует и факт преступления на почве ненависти.

Другой компонент преступления на почве ненависти состоит в том, что данное уголовное деяние совершается под влиянием определенного мотива, в виде предубеждения.

Он означает, что преступник умышленно избирает объект для своего преступления, исходя из какого-то защищаемого признака. Объектом преступления может быть одно или более лиц; кроме того, по принципу ассоциации свойств это может быть группа лиц, объединяемых каким-либо конкретным признаком (например, социальная группа). Защищаемый признак – это признак, объединяющий группу лиц (раса, язык, религия, социальные признаки).

В отличие от жертв многих других уголовных деяний, жертва преступления на почве ненависти выбирается не как личность, а как представитель какой-то группы. При этом посылается сигнал, предназначенный не только для конкретной жертвы, но и для более широкого сообщества, членом которого она является. В связи с этим такие преступные деяния иногда описываются как «символические» преступления.

Преступления на почве ненависти совершаются с целью запугать жертву и сообщество, к которому она принадлежит, на основании их личных признаков.

Как указывается в Практическом руководстве БДИПЧ ОБСЕ «Законодательство против преступлений на почве ненависти» буквальное понимание терминов «преступление на почве ненависти» и «мотив ненависти» может привести к их неверному истолкованию. Многие преступления, мотивированные ненавистью, к категории преступлений на почве ненависти не относятся. Например, убийства часто мотивированы ненавистью, но они могут попасть в категорию «преступлений на почве ненависти» лишь в том случае, если жертва была выбрана по защищаемому признаку.

И, наоборот, преступление, при котором преступник не испытывает ненависти к конкретной жертве, может, тем не менее, квалифицироваться как преступление на почве ненависти. Ненависть - это очень специфическое и сильное эмоциональное состояние, которое вовсе не обязательно характеризует преступления на почве ненависти.

Преступления на почве ненависти могут совершаться по одной из ряда причин:

- преступник может действовать из таких побуждений, как неприязнь, ревность или желание добиться одобрения со стороны других членов своей группы;
- преступник может не испытывать никаких чувств по отношению к конкретной жертве преступления, но иметь враждебные мысли или чувства в отношении той группы, к которой данная жертва принадлежит;
- преступник может испытывать чувство вражды ко всем лицам, не входящим в ту группу, представителем которой он себя считает;
- на еще более абстрактном уровне, объект нападения может просто символизировать собой какое-либо понятие (например, иммиграцию), которое преступник воспринимает враждебно.

Вообще традиционно к защищаемым признакам в отношении преступлений ненависти относятся раса, национальность, этническое происхождение, язык, религия, а также пол, возраст, умственные или физические недостатки и сексуальная ориентация.

Тот защищаемый признак, о котором мы говорим на настоящем круглом столе – принадлежность к социальной группе, под которым мы понимаем классовую принадлежность, социальное или имущественное положение относятся к редко защищаемым.

В уже упомянутом мною практическом руководстве приведены некоторые примеры защиты таких признаков.

Например, параграф 36 статьи 89 Уголовного кодекса Хорватии предусматривает, что «к преступлениям на почве ненависти относятся любые уголовно наказуемые деяния в рамках настоящего закона, совершенные на почве ненависти к какому-либо лицу в связи с его расой, цветом кожи, полом, сексуальной ориентацией, языком, религией, политическими или иными убеждениями, национальным или социальным происхождением, имуществом, местом рождения, образованием, общественным положением, возрастом, состоянием здоровья или иными признаками».

Статья 22.4 Уголовного кодекса Испании определяет отягчающие обстоятельства как ситуации, в которых преступление совершается на основании расовых, антисемитских или иных дискриминационных причин, связанных с идеологией жертвы, ее религией или убеждениями, или ее принадлежностью к какой-либо этнической группе, ее расе, нации, полу или сексуальной ориентации, или в связи с наличием у нее какого-либо заболевания или отклонения».

Наконец, раздел 22-3701 Кодекса округа Колумбия (США) определяет «преступление, связанное с предубеждениями» как установленное деяние, которое демонстрирует наличие у обвиняемого предубеждения, основанного на фактической или предполагаемой расе жертвы данного установленного деяния, цвете ее кожи, религии, национальном происхождении, поле, возрасте, семейном положении, внешнем виде, сексуальной ориентации, семейных обязанностях, физическом недостатке, образовательном статусе (т.е. уровне образования) или

политической принадлежности».

Нужно еще сказать о подстрекательстве к совершению преступления.

Прямое и непосредственное подстрекательство к уголовным преступлениям запрещено в международном праве. Если такое подстрекательство совершается по мотиву предубеждения, его следует квалифицировать как преступление на почве ненависти, поскольку оно содержит основное уголовное преступление.

От «преступления ненависти» отличается «язык ненависти», который при таком разделении составляет самостоятельный состав преступления или правонарушения, в зависимости от законодательства разных стран.

Под «языком вражды» (hate speech, что переводится также как «язык ненависти» или «пропаганда ненависти») понимаются различные виды высказываний, которые основаны на враждебности, а также демонстрируют или разжигают враждебность по отношению к группе лиц (или к отдельному лицу по причине его принадлежности к этой группе).

Как указано в том же Практическом руководстве «некоторые законы предусматривают уголовное наказание за высказывания, имея в виду конкретное содержание этих высказываний. Содержание запрещенных высказываний различается весьма широко. В некоторых странах наказание предусмотрено за высказывания, разжигающие ненависть или содержащие оскорбления в адрес конкретных групп населения. Ограничения могут быть также связаны с некоторыми историческими событиями; самые яркие примеры таких ограничений – законы, запрещающие отрицание Холокоста или восхваление нацистской идеологии».

Как я уже отмечал, высказывания, попадающие в данную запрещенную категорию, обозначаются как «язык ненависти».

Однако во всех таких случаях сами по себе высказывания преступлением не являются, а становятся ими лишь в том случае, когда они имеют конкретное содержание, запрещенное законом. И здесь принципиально важно, точно определять такое содержание.

Таким образом, концепция «языка ненависти» не включает в себя первый из двух основных компонентов преступления на почве ненависти, а именно основное преступление.

Если убрать мотив предубеждения или высказывания, содержащие предубеждение, состав уголовного преступления в «языке ненависти» будет отсутствовать.

И вот здесь я хочу сделать небольшое отступление и сказать о следующем.

Одним из основных содержащихся в международном праве в области прав человека требований к законодательству, касающемуся ограничений прав человека, относится требование предсказуемости и ли правовой определенности. Согласно пункту 17 Сиракузских принципов о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах (1984 г.) «правовые нормы, ограничивающие осуществление прав человека, должны быть ясны и доступны каждому». То есть не допускать неясностей, неточностей и произвольной интерпретации.

Закрепленная в международном праве концепция правовой определенности требует, чтобы человек имел возможность в разумных пределах предвидеть уголовные последствия своих действий. Эта концепция отражена в региональных и международных документах по правам человека. Закон, который предусматривает наказание, но не дает четкого определения обстоятельств, в которых такое наказание применяется, не будет отвечать данному основополагающему требованию.

Как отмечается в Методическом руководстве для НПО в регионе ОБСЕ «Преступления на почве ненависти: предотвращение и реагирование», в регионе ОБСЕ нет единогласия по поводу допустимых пределов свободы выражения мнений, когда речь идет о заявлениях, основанных на ненависти и предубеждении. В некоторых государствах-участниках ОБСЕ противозаконными считаются только те формы высказываний, которые представляют собой реальную и непосредственную угрозу насилием в отношении конкретного лица. Во многих других странах

законодательно предусмотрено наказание за устные, письменные или символические заявления, пропагандирующие или разжигающие ненависть, основанную на дискриминации.

В подтверждение этого тезиса приведу несколько примеров уголовной ответственности за «язык вражды» в разных странах, как членах ОБСЕ, так и за пределами этого региона.

Так статья 130 Уголовного кодекса Германии предусматривает, что всякий, кто возбуждает ненависть против «определенной части населения» или же злобно высмеивает таковую, может быть подвергнут наказанию до 5 лет лишения свободы, если его действия могли привести к нарушению мира. При этом достаточно, чтобы под угрозой оказалось чувство безопасности группы, ставшей объектом оскорбления, или чтобы усилилась предрасположенность других лиц к совершению посягательств против этой группы.

В Германии, Франции, Дании и Нидерландах есть законодательство, допускающее осуждение за высказывания, возбуждающие рознь, независимо от наличия умысла и возможных последствий. Так, Верховный суд Нидерландов постановил: «Является ли оскорбительным для группы лиц высказывание в их адрес относительно их расы и (или) религии определяется природой самого высказывания, а не намерением того, кто его публикует».

Во Франции по закону о разжигании розни и клевете на группу лиц был осужден редактор газеты за публикацию злобной антисемитской статьи, которую он, по его утверждению, опубликовал, не прочитав, что свидетельствует об отсутствии требования наличия умысла. В 1990 г. в Уголовный кодекс Франции было внесено дополнение о том, что отрицание или даже постановка под сомнение факта геноцида евреев нацистами является преступлением независимо от умысла виновного.

Следует, однако, указать, что в законодательство Дании, которое также не требует умысла в качестве необходимого условия наступления ответственности, было внесено изменение, устанавливающее, что журналисты не несут ответственности за публикацию заявлений других лиц, если не будет доказано наличие у журналистов умысла на нанесение оскорбления.

Статьи 18 и 19 Акта об Общественном порядке 1986 г. Англии предусматривает уголовную ответственность за угрожающие, обидные или оскорбительные высказывания или действия, которые либо сознательно направлены на разжигание расовой ненависти, либо реально могут привести к возбуждению такой ненависти. Статья 5 Закона об Общественном порядке 1986 г. запрещает произносить или демонстрировать угрожающие, обидные или оскорбительные слова в пределах слышимости или видимости лица, которому они могут причинить «беспокойство, тревогу или страдания». Существует также закон, запрещающий послать письмо или опубликовать статью, носящие угрожающий или в высокой степени оскорбительный характер и направленные на причинение беспокойства или страха.

В Северной Ирландии преступлением признаётся употребление угрожающих, обидных и оскорбительных по форме или смыслу выражений, которые могут возбудить ненависть против части населения или вызвать у части населения страх.

Статья 144В Уголовного кодекса [Израиля](#) предусматривает наказание в виде тюремного заключения на срок до пяти лет за всякую публикацию, имеющую целью возбуждение [расизма](#), независимо от того, соответствует ли она действительности и приводит ли фактически к расизму, и тюремное заключение на срок до одного года за хранение и распространение запрещенных публикаций, направленных на возбуждение расизма.

В [Индии](#) предусмотрено наказание до 5 лет тюремного заключения за умышленное разжигание межобщинной ненависти. Также признается преступлением, если кандидат или представитель партии совершает «систематические действия, призывающие к голосованию или воздержанию от голосования по мотивам [касты](#), расы, общины или религии».

Уголовное законодательство Канады предусматривает ответственность при наличии либо умысла на разжигание розни, либо вероятности нарушения мира в результате преступных действий.

В США широкая трактовка судами Первой поправки к Конституции США (о свободе слова) препятствует установлению уголовной ответственности за разжигание межнациональной розни. Суды признают, что свобода слова может быть ограничена только в тех случаях, когда высказывания могут непосредственно привести к противозаконным действиям и когда никакие другие доступные и менее жесткие меры не могут быть эффективны.

И здесь необходимо отметить, что наиболее важным в этой ситуации является, как это отмечено в решении Совета министров ОБСЕ № 10/05 (2005 г.), «... последовательно и недвусмысленно выступать против актов и проявлений ненависти, в частности в политических высказываниях», и в то же время признается важность сохранения баланса между соблюдением права на свободное выражение мнений и обязанностью бороться с дискриминацией.

Этот баланс, главным образом, обеспечивается деятельностью независимой судебной системы, которая и должна наказывать одно – «язык ненависти» и защищать другое – «свободу выражения собственного мнения».

Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение определил это так: «ограничения должны быть сформулированы таким образом, из которого бы ясно следовало, что их единственной целью является защита отдельных лиц от вражды, дискриминации или насилия, а не защита систем убеждений, религий или учреждений как таковых от критики. Право на свободу выражения мнений подразумевает возможность подвергать критической оценке, открыто обсуждать и критиковать — пусть даже жестко и неоправданно — идеи, мнения, системы убеждений и учреждения, в том числе религиозные, при условии, что это не является пропагандой ненависти, которая ведет к разжиганию вражды, дискриминации или насилия против отдельного лица или группы лиц».

Позволю себе еще раз сослаться на вышеупомянутое Постановление Пленума Верховного суда РФ.

В нем совершенно справедливо отмечается, что «международно-правовые стандарты в области прав человека, провозглашая право каждого человека на свободное выражение своего мнения, вместе с тем предусматривают, что всякое выступление в пользу ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию; всякое распространение идей, основанных на превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к дискриминации должны быть запрещены законом. Причем неважно, по каким основаниям такая ненависть проявляется, по расовым, этническим, социальным или иным.

Однако далее указывается, что «под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Не является преступлением и высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе».

Необходимо особо отметить, что с принятием этого постановления дискуссия в России о том, являются ли представители власти или отдельных государственных органов (полиции,

прокуратуры) социальными группами была закончена. Представители власти не являются социальной группой и по отношению к ним невозможно разжигать социальную рознь.

Прочитав еще два документа.

В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы (97) № 20, 1997 г., посвященной вопросу выражения ненависти, дается такое его описание как «охватывающее все формы выражения, которые распространяют, подстрекают, содействуют или оправдывают расовую ненависть, ксенофобию,

антисемитизм или другие виды ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц иностранного происхождения».

В Камденских принципах свободы выражения мнения и равенства, разработанных международной неправительственной организацией «Артикль 19» в 2009 г. дается такое определение: «ненависть» означает сильные и иррациональные чувства неприязни, враждебности и презрения по отношению к целевой группе; «подстрекательство» означает выступления о национальных, расовых или религиозных группах, которые создают непосредственный риск дискриминации, вражды или насилия против лиц, принадлежащих к этим группам».

Проблемы казахстанского законодательства в отношении запрещения и ответственности за разжигание социальной розни и как «преступления ненависти», и как «языка ненависти» начинаются с Конституции.

Согласно п.3 ст.5 Конституции РК «запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Республики, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни...».

Больше в Конституции никаких запретов, связанных с разжиганием розни нет. То есть, строго говоря, конституционный запрет разжигания социальной розни связан только с созданием и деятельностью общественных объединений и не касается отдельных граждан или групп граждан, СМИ или коммерческих организаций.

Однако в Конституции РК содержится другой конституционный запрет. В п.3 ст.20 Конституции РК говорится «не допускаются пропаганда или агитация насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики, подрыва безопасности государства, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства, а также культ жестокости и насилия».

То есть речь идет не о разжигании социальной розни, а о пропаганде превосходства, что в правовом смысле не одно и то же.

Еще больше неясности в смысле определения, что же является «разжиганием социальной розни», вносят известные научно-практические комментарии к Конституции РК.

Так в самом последнем Научно-практическом комментарии к Конституции Республики Казахстан, выпущенном Конституционным Советом в 2010 г., ничего не говорится о том, какие действия составляют «разжигание социальной розни», и вообще что такое «социальная рознь». Аналогично ничего нет и об «агитации и пропаганде социального превосходства».

В Научно-правовом комментарии к Конституции РК под ред. Г.Сапаргалиева (2004 г.) указано, что под «разжиганием социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни» понимаются программы или действия общественных объединений, направленные на распространение идей, взглядов, лозунгов, совершение других акций, подрывающих общественное согласие, доверие и уважение к людям другой национальности, расы, религии, сословия, возбуждающих чувство неприязни к людям других социальных групп, к их образу жизни, быту, семейному укладу, к их культуре, обычаям, традициям и т.п.», по

поводу «агитации и пропаганды социального превосходства» так же ничего не сказано.

Очевидно, что такие признаки как «подрыв общественного согласия, доверия и уважения», «возбуждение чувства неприязни», трудно назвать определенными в правовом смысле и соответствующими понятию «язык вражды» или «язык ненависти».

Тем более на их основе достаточно сложно доказывать умысел на совершение преступного деяния, предусмотренного ст.164 УК РК.

Если посмотреть комментарии к Уголовному кодексу РК, то ситуация не лучше. В Комментариях к УК под ред. И.Рогова написано дословно «с объективной стороны состав рассматриваемого преступления характеризуется совершением одного или нескольких действий: действия, направленные на возбуждение социальной розни» и все.

Еще есть упоминание о социальной розни в Законе о противодействии экстремизму от 18 февраля 2005 г., где говорится, что «разжигание социальной розни» представляет собой «политический экстремизм».

Трудно, кстати, совместить чувство неприязни и политический экстремизм.

Еще, конечно, надо упомянуть часть 1 статьи 344 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, согласно которой установлена административная ответственность за «изготовление, хранение, ввоз, перевозку на территории Республики Казахстан продукции средств массовой информации, содержащей сведения и материалы, направленные на пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики Казахстан, подрыва безопасности государства, войны, разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, культа жестокости, насилия и порнографии».

Как следует из перечисленных мной положений казахстанского законодательства, запрещающего разжигание социальной розни и установление за нее административной или уголовной ответственности, оно:

- не содержит разделения между «преступлением ненависти» и «языком ненависти»;
- не обеспечивает правовой определенности в отношении того, что представляет из себя социальная рознь и что является разжиганием социальной розни;
- не обеспечивает баланса между преследованием за «язык ненависти» и правом на свободу выражения.

Этим же страдает и правоприменительная практика.

В этой связи полагаю, что и законодательство и правоприменительная практика в этой области требуют серьезного реформирования.

И для такого реформирования можно использовать ряд принципов ограничения свободы выражения на законодательном уровне, предложенных в 1999 г. в Совместном заявлении относительно расизма и СМИ Специальные докладчики ООН, ОБСЕ и ОАГ по вопросам свободы слова: «Любые гражданские, уголовные или административные законодательные предписания, которые представляют собой вмешательство в свободу выражения, должны быть предусмотрены законом, служить законной цели, определенной в международном праве и быть необходимыми для достижения этой цели.

Исходя из этого, любые такие ограничительные меры должны быть четко и узко сформулированы, применяться органом независимым от политического, коммерческого или иного нежелательного влияния таким образом, чтоб не допустить ни своевольного, ни дискриминационного воздействия, подвергаться адекватным гарантиям защиты от нарушений, включая право на доступ к правосудию независимым судом или трибуналом.

Если указанные гарантии не действуют, существует реальная угроза нарушений, особенно там, где уважение к правам человека и демократии слабо, и законы «о языке ненависти» в прошлом применялись против тех, кто должен быть защищен.

В соответствии с требованиями международных универсальных и региональных



договоров с учетом существующей правоприменительной практики, законы «о языке ненависти» должны соответствовать, как минимум, следующему:

1) никто не должен подвергаться наказанию за высказывания, которые являются правдой;

2) никто не должен подвергаться наказанию за распространение «языка ненависти», если только не будет доказано, что это делалось с умыслом для разжигания дискриминации, ненависти или насилия;

3) право журналистов решать каким способом передавать информацию и идеи для общественности должно уважаться, особенно когда они информируют о расизме и нетерпимости;

4) никто не должен подвергаться предварительной цензуре; и

5) любое применение санкций судами должно быть в строгом соответствии с принципом пропорциональности».

Спасибо за внимание.